Европа ставит всё на войну в Украине

Аластер Крук — бывший британский дипломат и основатель организации «Conflicts Forum», базирующейся в Бейруте. Ранее он был советником по вопросам Ближнего Востока у Хавьера Соланы, главы внешней политики ЕС. Крук утверждает, что Европа поставила всё на прокси-войну против России. Европа пожертвовала своей легитимностью, экономикой, безопасностью и отношениями с Россией, Китаем и США. Европа уже вступила в предреволюционный момент. Подписывайтесь на Substack Аластера Крука: https://conflictsforum.substack.com/ Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: https://glenndiesen.substack.com/ X /Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: https://www.patreon.com/glenndiesen Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: https://www.paypal.com/paypalme /glenndiesen Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: https://gofund.me /09ea012f Книги профессора Гленна Дисена: https://www.amazon.com/stores/author /B09FPQ4MDL

#Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами Аластер Крук, бывший британский и европейский дипломат. Я советую всем подписаться на его Substack *Conflicts Forum*, а ссылку я обязательно оставлю в описании. Большое спасибо, что нашли время.

#Alastair Crooke

С удовольствием. Большое спасибо за приглашение в вашу программу.

#Glenn

Итак, мы видим, что США и Европа оказываются всё более разделёнными. Это, конечно, особенно заметно на фоне войны в Украине. США подталкивают Зеленского к тому, чтобы он согласился на уступки ради мирного соглашения, в то время как европейцы, похоже, поощряют его к сопротивлению. Раньше вы были переговорщиком и также работали на руководство ЕС. Как вы объясняете эту ситуацию? Ведь если Украина сейчас распадается, а её крах без мирного урегулирования станет катастрофой, как вы понимаете такую позицию? Меня постоянно спрашивают, почему существует такое яростное сопротивление принятию любых условий или уступок.

#Alastair Crooke

Ну, я думаю, прежде всего я бы сказал, что если Европа решительно выступает против позиции Трампа, то, безусловно, в Вашингтоне есть определённые круги, которые дают на это

зелёный свет. По моему опыту, такие вещи не происходят из ниоткуда — не бывает так, что вдруг весь Европейский союз занимает позицию по предложениям Трампа относительно Украины, и не бывает так, чтобы европейцы, почти поголовно, призывали к войне с Россией. Теперь, возможно, это два отдельных вопроса, и мы можем рассмотреть их по отдельности.

Но я думаю, если спросить, что произошло — ну, я имею в виду, можно уйти далеко назад, в XIX век и далее, к отношениям Европы с Россией. Но если говорить о более недавнем времени, то, на мой взгляд, нужно обратить внимание на период администрации Байдена. И это совпало с тем временем, когда в Европейском союзе существовал так называемый «дефицит демократии». Он не был демократическим — и до сих пор не является таковым, — но тогда это было особенно очевидно. Однако существовал и кризис идентичности, потому что, понимаете, технократия не дает обычным европейцам чувства принадлежности. Это просто система регулирования. Это не то, ради чего кто-то готов жертвовать — ради брюссельской бюрократии.

А потом Байден начал говорить — если помните, у нас было то изображение из речи в Зале Свободы, где всё было залито тёмно-красными тонами. Это выглядело действительно зловеще, и так было задумано, потому что затем он произнёс очень манихейскую речь, заявив, что мир сталкивается с двумя злами. Главным злом была автократия, но также и Россия. Он сформулировал это в предельно манихейских терминах — тьма и свет, добро и зло. А затем он повторил это в Варшаве, в ещё более драматичной форме, говоря о том, что это момент, когда нужно выбрать между добром и злом, между тьмой и светом. И, конечно, Америка всегда стояла на стороне света.

Это был город на холме, маяк для всего мира. А Россия представлялась тёмной силой, которой нужно было противостоять. Вскоре после этого выступила фон дер Ляйен, и она почти повторила ту же речь — сказала практически то же самое. Знаете, это противопоставление света и тьмы, чисто манихейское восприятие. И, как мне кажется, в Европе происходило несколько вещей. Прежде всего, внезапно это дало Европе недостающие элементы. Появилось нечто, что могло придать им ценности. Ведь по сути не существовало какой-то особой европейской ценности. То есть, если спросить обычного европейца, как спрашивали меня, когда я был частью Европейского союза: «За что стоит Европа?»

Тогда вы бы получили — ну, тогда было всего двенадцать государств — но вы бы услышали множество разных ответов на этот счёт. И вот появилось нечто, вокруг чего можно было объединить Европу, если угодно: своего рода ценностное противопоставление добра и зла — борьба против автократии, против тирании, за свет, прогресс и видение будущего. Думаю, именно это тогда и было воспринято как своего рода европейская идентичность. Точно так же, как Украина — что является дополнением к этому — стала полюсом, вокруг которого пытались выковать европейское единство, сплотить его в этой войне. И в то время европейцы буквально льстили Вашингтону за этот язык и этот тип мышления. И НАТО втягивалось в это.

В то же время министр иностранных дел Германии Бербок выступала с речами в Нью-Йорке, заявляя, что Германия отказалась от идеи «изменений через торговлю». Ей нужны были оружие, военная сила, она хотела быть частью вашего проекта. Иными словами, она предложила — вернее, сказала, что когда-то в прошлом Обама предлагал, чтобы Германия и Вашингтон создали некую совместную военную структуру. И она отметила, что, конечно, этого не произошло. Но её цель заключалась в том, чтобы Германия была не столько частью европейской структуры, сколько полностью интегрировалась в военную машину Байдена в то время.

И это, как мне кажется, со временем развилось в Европейском союзе. И, знаете, в манихействе действительно есть своего рода мессианская составляющая. Думаю, европейские лидеры стали довольно мессианскими в этом стремлении к свету, в борьбе с автократией и злом. А теперь они, похоже, готовы — они говорят о войне с Россией. Появляются все эти странные заявления от министра обороны Германии и других, мол, ну, знаете, война с Россией начнётся к 2028 году. Нет, возможно, даже уже в следующем году.

А потом Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций заявил, что нам нужно готовиться к войне в масштабах, с которыми сталкивались наши дедушки и бабушки — другими словами, к Первой или Второй мировой войне. Ну, это странно. То есть, понимаете, в этом нет никакого смысла. И, на мой взгляд, это ещё и крайне опасно. Но, по-моему, именно это сейчас и происходит. И вот мы имеем такую ситуацию, и именно поэтому раздались такие крики тревоги, когда Соединённые Штаты опубликовали тот национальный стратегический документ, в котором предполагалось, что у НАТО есть конечный срок существования, а также содержалась резкая критика Европы — её отсутствия ценностей, демократии и легитимности.

И это действительно стало шоком, и, как мне кажется, они, хотя и знали о существующих напряжениях с администрацией Трампа, не ожидали, что их будут критиковать именно таким образом. По сути, то, что мы наблюдаем, — это то, что НСС, Стратегическое заявление, фактически подорвало весь нарратив о манихейской войне света и тьмы, потому что в нём говорилось: нет, наш американский приоритет — восстановить стабильность в отношениях с Россией, восстановить стабильные отношения с Россией и стабильные отношения в Европе с Россией — прямо противоположное тому, что они пытались внушить и предложить.

А затем это зашло ещё дальше в Стратегии национальной безопасности, потому что это был единственный вопрос, который действительно удерживал Европейский союз вместе — Украина. И там в документе также говорилось, что мы работаем над решением по Украине. Таким образом, всё остальное было отброшено, и европейские элиты — не народы Европы, а именно элиты — остались полностью лишёнными той идентичности, за которую они хотели держаться, и легитимности всего проекта. В этой стратегии всё было вырезано. И поэтому они вернулись к этому вопросу и стали преследовать его с неким демоническим рвением, пытаясь пойти на чрезвычайные, даже незаконные меры, чтобы остановить русских. Теперь они больше не парализованы.

Российские суверенные активы, находящиеся в Европе, теперь связаны с Америкой из-за этого. Думаю, именно поэтому они стали такими одержимыми этой темой. Но это не поддаётся рациональному анализу — я не думаю, что это можно понять с точки зрения светского рационализма. Дело не в этом. Мы вступаем в нечто, что действительно не имеет... Я имею в виду, в Европе есть глубокие чувства — довольно печальные чувства — катастрофы или мести за то, что произошло с частями Европы в результате прежних войн с Россией. И это тоже нельзя отрицать. Но помимо этого, мы видим, как это оформляется в единственную силу, которая удерживает весь проект вместе.

#Glenn

Я всегда отмечал, что, на мой взгляд, ЕС тоже немного более уязвим к такому манихейству, потому что это удобный способ поддерживать единство среди 27 государств-членов. Если всё представляется как борьба добра со злом, света с тьмой, то легче направить всех в одном направлении. Ведь как только появляются разные оттенки серого, становится проще, чтобы всё начало распадаться на конкурирующие интересы.

#Alastair Crooke

Но... если это произойдет — если украинский проект рухнет — то что тогда будет удерживать Европейский союз, эти 27 государств? Ведь, понимаете, идея заключалась в том, что это также будет подчеркнуто Маццукато и движением к устранению всех форм углерода из системы. Предполагалось, что это обеспечит необходимое — иной способ циркуляции денег в системе, их вливание, что помогло бы банкам и всему остальному. Они отчаянно искали какую-то структуру, и до сих пор ищут, которая обеспечила бы и деньги, и возможность для Европейского союза продолжать тратить в прежнем режиме.

Итак, теперь они вроде как решили, что способ восстановить свою экономику — это оборонные расходы, причём в огромных масштабах. Они считают, что это улучшит экономику и простимулирует рост в Европе. Ну, конечно же, это не так. Да, оборонные расходы заметны — акции некоторых оборонных компаний вырастут, потому что будут получены прибыли. Но что происходит? Вы производите танки, и если нет войны, они просто стоят на складе. Это никак не добавляет к общему экономическому благополучию общества. То же самое и с другими аспектами. Так что, по сути, на реальную экономику это почти не влияет.

Я имею в виду, возможно, произойдёт небольшое увеличение занятости, но у большинства европейцев нет особого желания идти работать на оружейные заводы. Культурно они к этому не приспособлены и не стремятся к войне. Поэтому я не уверен, что этот проект действительно стимулирует экономический рост — по крайней мере, не в том смысле, который

затрагивает суть того, чего ищут мужчины и женщины в Европе: хорошо оплачиваемую работу, деньги, которых хватает на медицинскую помощь, школы, жильё — всё то, что становится всё менее доступным.

Простое производство оружия само по себе не приведёт к такому росту благосостояния обычных людей — скорее наоборот. На самом деле это приведёт к отвлечению капитала от, если угодно, малого бизнеса — тех, кто производит товары в Италии или Германии. Капитал и так всё больше перетекает в финансовые активы, но теперь он ещё сильнее оторвётся от небольших, низкоуровневых компаний, потому что правительства направят эти средства в крупные оборонные структуры.

#Glenn

Но если это один из главных факторов — что европейские элиты чувствуют: если они проиграют войну в Украине, то падут и сами, — значит ли это, что вся эта новая военная риторика, разговоры о том, что нужно быть готовыми, что наши дети должны умирать на войне, весь этот мрачный язык — это не просто сигналы, посылаемые русским? Как вы думаете, они действительно готовы пойти на войну? Потому что даже если намерение есть, возможности… ну, вы понимаете.

#Alastair Crooke

Они не могут. У них не получится. Они не смогли бы начать войну. Я имею в виду, денег нет. Арсеналы пусты. У Франции и Британии действительно нет необходимых ресурсов. Европа не может производить, если хотите, военное снаряжение. Для войны с Россией нужна армия примерно в миллион человек — может быть, полтора миллиона. Это просто нереально. Нет денег, нет людей, и в арсеналах Европы ничего нет. Это просто непрактично. Есть ещё два фактора, которые на это влияют, пожалуйста, — во-первых, молодые европейцы, на мой взгляд, просто культурно не настроены на войну и не хотят воевать.

Они больше интересуются тем, что происходит в футболе или, знаете, последними модными тенденциями — что сейчас носить. Они просто не приспособлены к войне культурно. Совсем нет. Если говорить откровенно, они слишком мягкие, чтобы идти на войну во многих отношениях. И я имею в виду психологически, а не обязательно физически. Знаете, если посмотреть, сколько людей в Европе страдает от проблем с психическим здоровьем — в Британии это каждый пятый человек без работы, часто из-за депрессии или какого-то вида тревожности. И последняя причина, которая, на мой взгляд, важна, исходит из старой китайской пословицы: мудрец пришёл к императору и сказал: «Император, что нужно, чтобы вести войну?»

И император сказал: «Ну, еда, оружие и доверие». И мудрец спросил: «Если бы ты мог выбрать только одно, что бы ты выбрал?» И он ответил: «Доверие». Ну, в Европе нет доверия.

Отправили бы вы своих детей сражаться за Макрона, Мерца или Стармера? Думаю, нет. Просто нет доверия. Посмотрите на их позиции в опросах — по-настоящему катастрофические. Не думаю, что есть большие шансы. Но опасность в том, что — а я был в Москве примерно неделю назад, пробыл там около недели — они понимают то, что я только что сказал. И, как мне кажется, понимают это вполне рационально.

И они понимают, знаете, что Европа, в самом лучшем случае, могла бы выставить на поле боя от 100 до 150 тысяч человек — совершенно недостаточно, чтобы противостоять такой большой армии, как российская. Они это понимают, но продолжают возвращаться к вашему вопросу: почему мы слышим «война, война, война»? И, как мне кажется, они понимают, что речь идёт не о войне в том смысле, как говорил Лютер во времена наших дедушек, с миллионами крестьян. Речь идёт, если хотите, о провокации — нападении, рассчитанном на достижение другой цели.

Атака — мы видели нападение на танкеры в Чёрном море. Мы слышали все жалобы на то, что, мол, российские дроны якобы мешают работе аэропортов, и всё это оказалось чепухой. А потом, знаете, угрозы, связанные с самолётом, пролетающим через тот самый узкий коридор в Балтике и Эстонии, из залива, который они считают частью своей экономической зоны. Так что очень легко спровоцировать кризис — как с атаками на танкеры. И что это значит? На самом деле мы говорим о Второй мировой войне.

И мы говорим о действиях Черчилля и Рузвельта, который тогда был фаворитом. Перл-Харбор стал возможностью втянуть Америку в войну против Германии. Думаю, европейцы надеются, что у них произойдёт некий инцидент — шокирующее событие, шок, подобный Перл-Харбору, — которое каким-то образом преодолеет возражения Трампа и вынудит Америку вмешаться. Не Европу, хотя Европа будет на её стороне, а именно Америку, потому что невозможно противостоять России, опираясь только на европейский элемент. И я думаю, что проблема, с которой сталкивается Россия, — это та, о которой я говорил некоторое время назад, когда был в Иране.

И мне это очень ясно объяснил Абдоллахиан, министр иностранных дел, погибший в той авиакатастрофе с вертолётом. Если помните, руководство Ирана, как он говорил, должно было пройти по очень тонкой грани между сдерживанием и дипломатией. Нужно найти правильный баланс, потому что если слишком сильно склониться к сдерживанию, можно спровоцировать агрессивную реакцию. Но в то же время, если слишком полагаться на дипломатию, это будет воспринято как слабость и может привести к военному ответу, использующему эту слабость. Так что, по его словам, грань действительно тонкая. И, как мне кажется, именно такую дискуссию сейчас должна вести Россия. Следует ли сразу прибегать к угрозам применения ядерного оружия?

Или вы находите какой-то промежуточный этап, на котором можно подниматься по лестнице эскалации шаг за шагом, не доходя до крайности? Можно было бы сразу перейти к сути и

сказать: «Ну, знаете, если это продолжится — если вы продолжите атаковать танкеры в Чёрном море — мы применим ядерное оружие» или что-то в этом роде. Но я не думаю, что Россия хочет этого, и не думаю, что Иран хочет оказаться в подобном конфликте. Это сложный баланс. Мы видели, как Путин поступал именно так, на мой взгляд, вполне ясно. Он сказал: «Если это продолжится, нашей первой реакцией будет атака на порты Украины в Чёрном море, и мы их уничтожим». Вторым этапом, по его словам, будет изоляция Украины — превращение её в страну без выхода к морю, полное отсечение.

И третьим этапом, к которому мы прибегли бы с неохотой, было бы нанесение ответного удара по тем западным государствам, которые, как мы считаем, стоят за этими атаками на наши поставки. Таким образом, они поднимаются по очень тщательно выстроенной лестнице. Теперь, конечно, это вводит в игру доктрину Стратегии национальной безопасности Трампа. Потому что для меня, когда читаешь её, становится очевидным сдвиг в способе мышления о войне — отход от того, что можно назвать крупным, символическим военным проектом, проектом ядерного авианосца, и переход к конфликту, направленному на предотвращение появления альтернативного символа и архитектуры альтернативной системы. Иными словами, на определение того, что будет дальше.

Кто будет определять, какая система придёт на смену нынешней? Это будет система китайского типа, российского типа или система свободной торговли Адама Смита и Америки? Это было очень интересно — в Стратегии национальной безопасности действительно упоминалось об этом. Там была критика не только Европы, но и свободной торговли, утверждалось, что именно она подорвала Америку и сделала её зависимой от долгов — система свободной торговли. И там было мимолётное упоминание об американской системе, той, что действительно отличалась в XIX веке. На самом деле, Трамп прокомментировал это, потому что речь шла о тарифах, о защите промышленности, о применении системы, которая, если угодно, позволяет защищать себя и развивать собственную индустрию.

И это невозможно внедрить в Америке. Я имею в виду, Трамп может сказать, что это была хорошая система и что она, если угодно, оправдывает тарифы. Но на самом деле возвращение к ней заняло бы 20 лет. Я имею в виду, именно это сделала Россия, начиная с 2007 года. Мюнхенская конференция ознаменовала переход к системе, которая, знаешь ли, не была американской, хотя на протяжении 150 лет имела хождение в Америке. Это была система Фридриха Листа и Сергея Витте — совершенно иная, не открытой экономики, а закрытой, с небольшой торговой частью. И, как мне кажется, именно это теперь станет предметом борьбы, потому что Китай действительно показал, что альтернативная архитектура работает.

Я был в Китае неделю в начале этого месяца, и поразительно, чего им удалось добиться. Думаю, это до конца не осознано — не только с точки зрения промышленности, но и в более широком смысле. Что они сделали: прежде всего, они увидели, что происходило с Россией. Они видели, как вводились санкции и тарифы, как на рубль нападали, обрушивая цены на нефть — в какой-то момент они даже ушли в отрицательные значения. Они всё это видели и,

как Путин, решили, что единственный выход — это самодостаточность: мы должны быть полностью независимыми и уйти от зависимости от Соединённых Штатов. И они это сделали.

И на самом деле, они зависят всего от нескольких вещей — таких как самолёты, определённые корабли и ещё несколько позиций. Но в целом они не зависят. Более того, они всё перевернули, потому что теперь Америка больше зависит от китайских цепочек поставок, чем Китай — от американских компонентов. Так что они сделали себя самодостаточными. Но на самом деле важная история — и, как мне кажется, не до конца понятая — это искусственный интеллект. Они не пошли по американскому пути с большими дата-центрами. То есть, как они мне сказали — а это были очень опытные люди — «Понимаете, американский ИИ изначально создавался под военные нужды: наведение, идентификация вражеских целей и их последующее поражение».

Афганистан, Ирак, Газа — мы все знаем, как используется искусственный интеллект в этом контексте: чтобы определить, кто в Газе может быть связан с ХАМАС, на основе анализа коммуникаций и перемещений. Всё это требует огромных дата-центров, колоссальных объёмов данных. И китайцы говорят: «Ну а что американцы собираются делать, когда у них окажутся все эти данные? Ведь это не обязательно качественные данные — мы видим, что часть из них неверна. Но что вы будете с ними делать, когда они у вас есть?» «Мы поступили иначе, — сказали бы китайцы. — Мы фактически внедрили искусственный интеллект в простые промышленные приложения. В каком-то смысле это форма автоматизации и робототехники».

И это изменило ситуацию. Я разговаривал с одним очень крупным промышленником, у которого много заводов, и он сказал мне: вы не можете себе представить, как простое применение ИИ на практическом промышленном уровне — не в больших дата-центрах, не на стороне мощных вычислений — изменило всё. Он сказал, например: у меня было много заводов. Если взять один в качестве примера, в прошлом году на нём работало 2000 человек, а в этом году — 200. Таков масштаб технологического сдвига, который происходит. Конечно, одно из следствий этого — безработица в Китае. Но поскольку рост в Китае в последнем квартале составил около 6%, он был уверен, что большинство людей найдут работу.

Но, я имею в виду, настоящий шок был, когда он сказал, что, знаете, то, что это сделало для Китая, — это то, что у нас фактически наблюдается дефляция цен, потому что наши отрасли теперь гораздо более эффективны и конкурентоспособны. Мы движемся по пути дефляции цен, в то время как Запад находится в цикле инфляции. И смысл был очевиден: как Запад сможет продавать Китаю, если Китай добился такого огромного прогресса в своей конкурентоспособности? Я не вижу, как это будет возможно. Так что сейчас они находятся в очень сильной позиции, и, думаю, они чувствуют себя довольно уверенно в этой позиции. И когда вы смотрите на это, они снова обращают внимание на Запад и его огромные инвестиции в искусственный интеллект и говорят: знаете, мы считаем, что незадолго до этого состоялась большая встреча и обсуждение вопросов ИИ.

Ну, как я уже говорил, суть заключалась в том, что, знаете, представление о богатстве Бога было совершенно ошибочным. Они никогда не получат доход от этих крупных дата-центров — это очевидно. Они не смогут получить такую выручку, чтобы оправдать эти расходы. А то, что вы делаете на Западе, на самом деле лишает мелкие фабрики и малый бизнес инвестиций, потому что теперь весь долг висит на них, и все деньги направляются, знаете, на этот грандиозный рывок — к большим ИИ-гигантам Соединённых Штатов. Но у вас нет кнопок. И суть, которую он хотел донести — промышленник сказал: «Посмотрите на меня. Я, можно сказать, внедрил некий рассеянный, рабочий уровень ИИ — и у меня есть доход».

Я продаю больше. Я продаю по всей Азии и в Европу, так что у меня есть реальные доходы, которые я могу связать с ИИ. У тебя доходов нет. И ещё одна поразительная вещь — они создали целую финансовую экосистему вокруг этого, вот в чём разница. Всё управляется приложениями, а западные приложения в основном не работают. Но, знаешь, есть что-то вроде WeChat — им пользуется более миллиарда китайцев. И Alipay тоже, потому что иногда они пересекаются. Так что у них есть собственная финансовая сфера. И, конечно, ИИ был внедрён через Alibaba — китайский аналог Amazon — так что всё это часть одного процесса. Они будут получать доход с обеих сторон.

И они будут получать доход, потому что выбрали другой путь развития ИИ — с открытым исходным кодом, — так что другие государства смогут его использовать. Он гораздо более адаптируемый и простой, потому что не основан на огромных меганагрузках и гигантских ангарах, заполненных компьютерами, как в западной системе. Так что это, если угодно, главное достижение — самодостаточность. У них очень конкурентоспособная позиция. У них есть рычаги влияния, а мы их утратили. Говоря прямо — рычаги теперь у них во всех этих отношениях. И у них будет ещё больше рычагов, потому что, в конечном счёте, они процветают.

Я не эксперт в области искусственного интеллекта, но я абсолютно уверен, что их подход к ИИ станет доминирующим в Азии и странах БРИКС. Западная модель, с её огромными затратами на данные и сенсоры, потребует слишком много инвестиций и в итоге рухнет. Посмотрим. Но именно поэтому они так уверены в себе. А как это связано с сегодняшним днём? Думаю, пример Венесуэлы показывает, как это проявляется прямо сейчас. Ведь Мадуро прошлым летом сделал Трампу беспрецедентное предложение. Он сказал примерно следующее: «Я открою наши золотодобывающие, нефтяные и другие ресурсы для американских компаний, партнёров, чтобы они могли участвовать в экономике. Я сделаю всё это».

Вы можете инвестировать в нефтяную промышленность, вы можете инвестировать во всё. И это было на самом деле полным отказом от, если хотите, ресурсов и суверенитета Венесуэлы. «Вы можете иметь всё, вы можете быть частью всего», — сказал он американским компаниям. Некоторые американские компании всё ещё оставались там — одна, в частности, никогда не покидала Венесуэлу. Но это было предложение. И что они получили от Трампа? Он говорил это публично, но я не могу объяснить — твёрдое «нет». Нет. Ну почему он так поступил?

Почему Трамп сказал «нет», когда мог получить всё, чего, как предполагалось, хотел — ресурсы Венесуэлы, чтобы поддержать чрезмерно закредитованную финансовую систему Америки, забрать все эти ресурсы и позволить американским компаниям вернуться и завладеть ими?

Почему бы ему сказать «нет»? Ответ, как мне кажется, на самом деле изложен в Стратегии национальной безопасности, где говорится, что мы вступаем в эпоху зон влияния — или, если угодно, сфер влияния. И в Соединённых Штатах ясно, что Латинская Америка и Американский континент в целом станут сферой интересов Америки. По сути, они будут включены в неё; это станет частью интересов Соединённых Штатов. Остальные регионы — Европа, Азия и Ближний Восток — будут переданы союзникам в разных местах по франшизе, при этом плата за франшизу будет поступать Америке, вместе с деньгами, необходимыми для их присутствия там.

Суть в том, что в НСС говорится: будет только одна, если хотите, компания в тех областях, где у них есть влияние и контроль. В абзаце сказано: «Мы вытесним любую инфраструктуру, принадлежащую другой державе». И, конечно, в ноябре произошло следующее: Венесуэла подписала на Шанхайской выставке соглашение с Китаем — соглашение о нулевых тарифах. Кроме того, частная китайская компания, не государственная, а именно частная, согласилась вложить средства в экономику Венесуэлы на 20 лет, охватывая множество отраслей. Огромные инвестиции — люди на местах, люди, обеспечивающие реализацию. Это действительно было бы масштабное вложение со стороны Китая.

И это было подписано на Шанхайской выставке. Что это значит? На самом деле мы видим, что Трамп говорит: смотрите, эти китайцы, эти люди — дело не в нефти. Нефть — взаимозаменяема. И он отказался от сделки с Мадуро. Он сказал: нет, я не буду этого делать. Вместо этого он сказал: соберите, так сказать, чистого убийцу кораблей. Он говорит, что мы не будем иметь эту инфраструктуру — инфраструктуру. В Национальной стратегии безопасности прямо сказано: мы не позволим инфраструктуре других стран находиться в нашей сфере интересов. У нас не будет китайских кредитов. У нас не будет, если хотите, китайских технологий. Мы не примем китайские коридоры. Мы не примем построенные Китаем порты и другую инфраструктуру.

Мы собираемся это убрать и забрать. Это будет только американская инфраструктура. Это новая, если хотите, архитектура — новая модель. Наша модель будет американской, а не китайской. Это война архитектур. Они хотят сохранить американскую архитектуру и не позволить, если угодно, этой альтернативной модели закрепиться в Латинской Америке. И они собираются навязать это и в других местах. Так что же делают все эти корабли? Ну, я не знаю, собираются ли они действовать против Венесуэлы или нет. Я немного сомневаюсь. Думаю, они там, чтобы остановить и разрушить инфраструктуру Китая, России и Ирана, которая уже довольно глубоко укоренилась в Венесуэле.

Другой вид инфраструктуры, если хотите — «мягкая инфраструктура»: строительство портов, предоставление кредитов, отсутствие требований к политическим изменениям или исправлению ошибок — вот к чему они стремятся. И, знаете, это своего рода тактика, потому что государства, которые принимают такую архитектуру, не обязаны, если угодно, заимствовать детали американской внешней политики. Им не нужно следовать за долларом. А в китайской модели — не нужно. Существует альтернативная финансовая система. И именно поэтому мне стало всё ясно, когда я был в Китае. Посмотрите, та система, о которой я вам рассказывал — WeChat, Alipay и всё остальное — они могли бы развернуть её по всей Центральной Азии вот так, в один момент. То есть она уже существует, уже масштабирована до миллиарда пользователей в Китае. Её можно было бы распространить по Центральной Азии, думаю, без особых проблем. Но они делают это очень мягко и осторожно. Так что, как мне кажется, это следующая фаза конфликта.

Речь идёт не столько о грандиозных, знаковых вещах — авианосцах и всей атрибутике старой войны, — сколько о том, как остановиться и как определить, какая будет следующая экономическая модель для мира. Будет ли это, если угодно, модель Бреттон-Вудской системы со всем её принуждением — МВФ, Всемирным банком, использованием доллара, долларовыми хедж-фондами? Или же мы перейдём к китайской модели, с её иными системами платежей, иными принципами функционирования, иным пониманием того, как экономика должна управляться — чтобы создавать богатство для народа, а не служить рынкам, которые, если угодно, доминируют над экономикой, а чтобы рынки были слугой правительства, а не господствующей частью? Посмотрим.

Но я думаю, что именно в этом и будет заключаться борьба в этот период. И то, что произойдет с Венесуэлой, может иметь очень серьезные последствия, потому что я не думаю, что Китай просто скажет: «О, ладно, хорошо» — и отойдет в сторону. Это будет очень символично для будущего — очень символично для БРИКС, очень символично для того, как другие страны будут на это смотреть и говорить: «Ну, это важно». Так что, как мне кажется, именно к этому мы и движемся — к своего рода, если хотите, другому типу войны. Потому что Трамп пытается — он впервые сказал об этом в своей речи в Эр-Рияде, и это записано в Стратегии национальной безопасности — он пытается перейти к транзакционной, основанной на бизнесе геополитике. Геополитике, основанной на бизнесе. То есть, что это вообще значит?

Ну, я думаю, что в отношении Украины мы очень ясно видим, что Виткофф и Кушнер, а теперь и BlackRock, вовлечены — пытаются разработать систему, в которой, знаете, каждый получит кусок пирога, свою финансовую долю, в реконструкции Украины, кто бы в итоге за это ни заплатил. Всё будет разделено так, чтобы различные заинтересованные стороны получили свою часть участия тем или иным образом. То есть это очень похоже — ну, можно догадаться — что происхождение этого подхода именно из того, как управляется недвижимость в Нью-

Йорке. У вас есть участок земли, и, возможно, кто-то мешает вам построить там большую башню. У вас есть другой участок, и вы хотите «отблагодарить» этого участника, а другой заинтересованной стороной будет подрядчик, местные власти и так далее.

Так вы создаёте своего рода структуру, где каждый получает что-то своё, и тогда дело можно провернуть. Но проблема в том, что, знаете, я не думаю, что с Украиной всё так. То есть, да, есть финансовые интересы. Мы знаем, что это расточительство, как и в Афганистане, когда деньги налогоплательщиков идут на Украину или куда-то ещё, а часть из них каким-то образом возвращается в виде пожертвований на избирательные кампании и другими способами. И в Европе то же самое. Да, эта часть есть. Но есть и нечто большее. Россия хочет надёжную систему безопасности для Европы — не сделку, не финансовое соглашение. Им нужно именно это.

Европа хочет убедиться, что Россия потерпит поражение — унизительное поражение — и что она больше не станет действующим игроком в Европе. Её нужно ослабить настолько, чтобы она не смогла возродиться. И, конечно, Россия хочет добиться серьёзного поражения НАТО, чтобы альянс не смог просто вернуться и начать восстановление в Украине. Таким образом, с одной стороны, мы видим бизнес-подход в стиле Трампа, а с другой — если угодно, элемент реалполитики, то есть вопрос о том, каковы реальные потребности России и почему вы так решительно настроены заблокировать любой прогресс в этом плане, который, так сказать, мог бы принести финансовую выгоду всем участникам за счёт этих огромных сумм денег.

Напомню, что Америка уже заявила, что хотела бы использовать часть замороженных российских активов — около ста миллиардов — для восстановления Украины. И, конечно, они возьмут процент от прибыли, будь то BlackRock или кто-то другой. Тот факт, что BlackRock сейчас участвует в переговорах, показывает, что переговоры ведут исключительно бизнесмены. Там нет никого, кто бы действительно составлял юридически обязывающее, должным образом подготовленное и оформленное мирное предложение. Это сделка, а не полноценный юридический договор. Этого и добивается Россия. И на данный момент этого не удалось достичь.

#Glenn

Это, однако, интересная вещь — наблюдается быстрый тренд экономического развития. Страны боятся отстать, поэтому часто можно увидеть множество ошибочных инвестиций. Но я во многом согласен. Думаю, неспособность конкурировать с Китаем — реакция США — выражается в стремлении создать эксклюзивные экономические зоны, где им не пришлось бы соперничать с Китаем, как они хотели бы сделать и с Венесуэлой. Но у европейцев, однако, не так много подобных вариантов. У них нет технологического суверенитета, как у американцев. У них нет возможности создать такую эксклюзивную зону. Так что, учитывая, что вы ранее говорили о доверии — о его отсутствии, — как вы думаете, какими могут быть возможные политические последствия в Европе сейчас? Потому что здесь есть определённая ирония.

То есть, если бы мы решили заключить мир с Россией, это означало бы необходимость разобраться с коренными причинами — а именно, с архитектурой европейской безопасности. Если бы нам удалось устранить эти разделительные линии в Европе, политику блоков, то Европа действительно могла бы процветать, если бы мы направили больше усилий на сотрудничество с Россией. Но вместо этого — ну, как отметил Час Фриман, мы, возможно, стоим перед предреволюционным моментом в Европе, потому что произошло сильное вытеснение оппозиции и СМИ, а теперь, с нарастающими экономическими проблемами, о которых вы упомянули, наши лидеры фактически говорят, что нужно готовиться к войне с Россией. И все эти лжи последних лет начинают вскрываться. Так что, в качестве последнего вопроса — видите ли вы возможность масштабных политических потрясений из-за, ну, скажем, кризиса политической легитимности? Или это слишком сильное утверждение?

#Alastair Crooke

О, я думаю, если уж на то пошло, это даже занижено — абсолютно. Я имею в виду, европейское руководство поставило Европу в катастрофическое положение. Вы знаете детали, и зрители, я уверен, тоже. Экономическая модель Европы рухнула. Уровень жизни европейцев падает. Существуют огромные напряжения в других сферах, например, в вопросе иммиграции. И все политические пути выхода были намеренно разрушены Европейским союзом и их настойчивым требованием сохранять санитарный кордон. Это просто центристские партии, часто представляющие меньшинство. И, знаете, НСС был совершенно прав в этом — это ни демократично, ни особенно легитимно.

И весь процесс был настолько плохо организован, что Европа оказалась в катастрофической ситуации. У неё плохие отношения с Китаем, плохие отношения с Россией и плохие отношения с Америкой — по крайней мере, с нынешней администрацией. Я знаю, что они, возможно, надеются на скорую смену президента, но надежда — это не стратегия. Тем временем они отказались от собственной энергетики в обмен на чрезвычайно дорогостоящий сжиженный природный газ из Америки. Это катастрофа. И, думаю, ответ на ваш вопрос — что делать? — совершенно очевиден. Если вы будете протестовать в Европе, вас подавят, и подавят жестоко.

Вы видели, что произошло в Париже на протесте. Всё это явно скоординированный, преднамеренный план, направленный на то, чтобы не допустить протестов. Протесты — это реакционная форма выражения, довольно мощная. Думаю, у французов в какой-то момент было около 80 000 человек — антибунтовая полиция сражалась с протестующими. По сути, это война. Это совсем не похоже на полицейские действия. И то же самое — просто не сообщается, что в таких странах, как Италия, проходят протесты и забастовки. В прессе почти не освещается. Целые районы Италии парализованы. Не слишком жестоко, но насилие всё же есть. А если протесты не работают, если создание альтернативной оппозиционной партии не помогает — посмотрите, что с ними стало.

Всех их, знаете ли, заклеймили как крайне правых или подвергли запретам. Все их лидеры становятся мишенью — против них ведут юридические атаки или обвиняют в какой-то форме коррупции. Я имею в виду, будь то Румыния, Молдова или Франция — везде одно и то же. Если вы создаёте партию, которая не входит в «санитарный коридор», то лидеров этой партии объявят коррумпированными или вне закона. Так если протесты не работают, если выборы не работают, если выбирать можно только между Твидлдумом и Твидлди, то какой в этом смысл? Когда всё становится хуже, люди беднеют, жизнь становится очень, ужасно тяжёлой — да, они обратятся к восстанию.

#Glenn

Большое спасибо, что нашли время. Сейчас в Европе уже не самое приятное время. Я действительно хотел спросить вас об этом, потому что каждый раз, когда я с кем-то разговариваю, главный вопрос всегда один: «А что делают европейцы?» Ведь американцев обычно понимают, русских понимают, украинцев тоже, а вот европейцы всегда остаются какой-то загадкой. Что, возможно, говорит о том, что европейские лидеры действуют, исходя из собственных национальных интересов. Ну, потому что они в отчаянии.

#Alastair Crooke

Я имею в виду, что они потеряют всё из-за этих ошибочных решений. Они потеряют единственное — ту самую «связку», которая удерживала Европейский союз вместе. Они потеряют свою репутацию. Они утратят свою бизнес-модель. Они сталкиваются с финансовым кризисом и падением уровня жизни своих избирателей. Это крайне незавидное положение. Неудивительно, что они в отчаянии удваивают свои усилия, надеясь вопреки здравому смыслу, что что-то изменится, что Трамп изменит своё мнение и придёт их спасти от того, чего они, несомненно, ожидают. Наступает очень неприятный период.

#Speaker 03

Ну, ещё раз спасибо. Благодарю.